

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.111'42

ББК 81.5Англ-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-248-253>

Т. В. Харламова
Саратов, Россия

Tat'yana V. Kharlamova
Saratov, Russia

ДИНАМИКА РИТУАЛИЗОВАННЫХ
ЖАНРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕDYNAMICS OF RITUALISTIC GENRES
IN POLITICAL DISCOURSE

В статье дается краткий обзор исследований, посвященных ритуальному дискурсу, и прослеживается зависимость степени ритуальности от типа дискурса, жанра, а также экстралингвистических факторов.

Статья посвящена изучению функционирования ритуализованных жанров в британском, американском и российском политическом дискурсах в диахронном и синхронном аспектах. Особое внимание уделяется динамике жанров британского политического дискурса: тронной речи монарха на открытии сессии парламента и рождественским обращениям. Эволюция жанров прослеживается на структурном, тематическом и лексическом уровнях: выявляются типичные конструкции и языковые средства, характерные для жанра, анализируется композиционная структура и набор устойчивых и новых тем, изучается, как меняется языковое наполнение жанров и их тональность с течением времени в разные исторические периоды.

Проведенное исследование показало, что данные жанры реализуют функции, типичные для ритуальной коммуникации, и обладают устойчивыми композиционными признаками, тогда как языковое наполнение может меняться в зависимости от авторской и временной принадлежности.

Ключевые слова: ритуализованные жанры, политический дискурс, ритуал, дискурсивный анализ.

The article provides a brief overview of research works devoted to the ritual discourse as well as the analysis of the dependence of the degree of rituality on the type of discourse, genre, and extralinguistic factors.

The article also gives an insight into functioning of ritualistic genres in British, American, and Russian political discourse in terms of diachronic and synchronic analysis. The main emphasis is on the genres of British political discourse – a speech from the throne (Queen's / King's Speech) at the State Opening of Parliament and Christmas messages, and the evolution of these genres on structural, thematic, and lexical levels. Genre development are observed on the structural, thematic, and lexical levels: typical constructions and verbal means characteristic of different genres are elicited; composition and a range of set and new topics are analysed; the alterations in verbal characteristics and tonality of the genre are revealed. The research has shown that the genres manifest the typical functions of the ritualistic communication and possess consistent structural characteristics whereas the verbal image depends on the speaker and historical period.

Key words: ritualistic genres, political discourse, ritual, discourse analysis.

Сведения об авторе: Харламова Татьяна Валериевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии и переводоведения.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: kharlamovatv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2179-2364>

About the author: Kharlamova Tat'yana Valerievna, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Romance-Germanic Philology and Translation Studies.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: kharlamovatv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2179-2364>

Введение

В последние десятилетия значительно возросло количество публикаций, посвященных изучению политического дискурса и его особенностей. Это связано с несколькими фак-

торами: демократизацией общества, стремительным развитием средств массовой информации, взаимосвязью языка, культуры, общества и идеологии.

Различным аспектам политического дискурса, его формам и жанрам посвящено

множество работ отечественных и зарубежных авторов (А. Н. Баранов, М. В. Гаврилова, В. З. Демьянков, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, В. И. Карасик, P. Chilton, N. Fairclough, T. A. van Dijk, J. Blommaert и др.), которые обобщают вклад разных школ и направлений и изучают конкретные его виды.

Множество подходов к изучению политического дискурса доказывает неослабевающий интерес исследователей к проблемам политической лингвистики. Освещение различных аспектов, касающихся языковых, социальных, культурных, идеологических и других особенностей, дает возможность получить многогранное видение политического дискурса, лучше понять процессы, происходящие в современном мире, выявить новые тенденции и закономерности в динамике дискурсивного пространства [1].

В целом политический дискурс рассматривается многими авторами как знаково-символический способ коммуникации, нацеленный на производство и воспроизводство знаний, образов, смыслов, значений, ценностей, интерпретаций, которые осуществляют функции репрезентации, позиционирования и иерархизации социальных субъектов в динамическом пространстве политического поля [2].

В связи с этим особое значение приобретает ритуальный характер политического дискурса. Многие исследователи отмечают сходство политического дискурса с религиозным: «точкой соприкосновения религиозного и политического дискурса является мифологизация сознания, вера в магию слов, роль лидера-Божества, использование приемов манипулятивного воздействия, ритуализация коммуникации» [3 : 40].

В данной статье ставится задача рассмотреть функционирование ритуализованных жанров в американском, британском и российском политическом дискурсах в диахронном и синхронном аспектах; их функции и характерные особенности.

Теоретический анализ проблемы

Проблемам ритуального дискурса посвящен целый ряд исследований, в которых дается определение ритуала, ритуального действия, ритуального события и ритуального дискурса, выделяются функции ритуала, описывается соотношение понятий «ритуальность», «этикетное действие», «клишированность», «фатика», предлагается типология ритуальных жанров по разным критериям и др. [3–7].

В. И. Карасик предлагает следующее определение ритуала: «ритуал – это динамичное коммуникативное образование, он возникает

на базе определенного социально значимого действия, которое подвергается символическому переосмыслению (ритуализации)» [5 : 25]. Как справедливо указывает М. Г. Извекова (вслед за К. Лоренцем и Ю. В. Моничем), ритуал является инструментом создания и закрепления групповой идентичности [7].

К основным функциям ритуала относят констатирующую, интегрирующую, мобилизующую и фиксирующую функции. Кроме того, многие исследователи отводят ритуалу особую роль в реализации магической функции языка [3]. По мнению Ю. С. Мартемьянова и Ю. А. Шрейдера, «Ритуалы – это особого рода память коллектива. Эта память позволяет коллективу в разные моменты существования опознать самого себя как самоотждественное единство» [8 : 469].

Специфика ритуального дискурса заключается в степени ритуализации (выделяют жесткую (религиозный, юридический дискурсы) и мягкую (политический дискурс) формализацию), которая варьируется в зависимости от типа дискурса и жанра, а также в особой коммуникативной тональности [4]. Кроме того, ритуальному дискурсу свойственна цикличность, повторяемость [9].

Проведенные ранее исследования показали, что политический дискурс относится к типу дискурса с мягкой формализацией ритуального действия. Однако следует отметить его значительную разнородность: существуют жанры с более жесткой формализацией ритуального действия (например, тронная речь монарха на открытии сессии парламента Великобритании) и с более мягкой формализацией (рождественское обращение главы государства). При этом следует отметить, что на степень ритуализации того или иного жанра оказывает влияние в том числе культурная составляющая, а именно функционирование жанра в определенной культуре, а также «исторический опыт» жанра. Например, жанр инаугурационного выступления в США насчитывает несколько веков, тогда как в России это достаточно «молодой» жанр.

Важно также отметить, что более жесткая формализация приводит к фиксированности формы и десемантизации текста, что, в свою очередь, ведет к повышению роли эстетической функции [4, 10, 11].

Описанные выше положения и понятия послужили основой для анализа ритуализованных жанров британского, американского и российского политического дискурсов, а также их «эволюции» на протяжении определенного периода времени.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили послания глав государств парламенту страны (Федеральному собранию РФ, Конгрессу США) (1994–2016 гг.), тронная речь монарха на открытии сессии парламента Соединенного Королевства (1830–2017), рождественские обращения короля/королевы Великобритании (1952–2016).

Послание главы государства (президента, монарха) парламенту отражает оценку положения дел страны ее первым лицом и обрисовывает предстоящие законодательные инициативы. Прообразом данного послания является **тронная речь монарха на открытии сессии парламента Великобритании**. Тронная речь читается королем или королевой, в Палате лордов на открытии очередной сессии парламента. Речь составляется премьер-министром и содержит предлагаемую законодательную программу для новой парламентской сессии. Данная церемония является многовековой традицией, а тронная речь – ритуалом, который функционирует на протяжении не одного поколения. Елизавета II открывала каждую сессию парламента с момента ее восхождения на трон в 1952 г. (за исключением 1959 и 1963 гг.).

В США президент ежегодно выступает перед Конгрессом с **посланием «О положении страны»** (State of the Union address), первое такое обращение прозвучало от имени Дж. Вашингтона в 1790 г. В России обращение главы государства к Федеральному собранию становится ежегодным с выступления Б. Н. Ельцина в 1994 г.

Рождественское обращение короля или королевы Великобритании – это традиция, которая началась в 1932 г. с радиотрансляции выступления короля Георга V. С 1952 г. рождественское обращение читает Елизавета II; сегодня оно транслируется по телевидению, радио и в Интернете.

При проведении исследования использовался метод дискурсивного анализа, который позволяет выявить контекст речевого взаимодействия и причины выбора языковых средств коммуникации.

Результаты исследования

Проведенное исследование показало, что для всех исследуемых жанров характерно использование стереотипных контекстов, которые реализуют социально-регулятивную функцию в трех аспектах: аккумуляция и трансляция национально-культурного социального опыта, социальный контроль и социальная интеграция [12 : 113], вне зависимости от исторического периода и автора сообщения.

Тем не менее признаки ритуальной коммуникации в проанализированных жанрах имеют различную степень выраженности. Послания главы государства парламенту имеют достаточно устойчивую композиционную структуру. В своей диссертации М. В. Гаврилова приводит результаты лингвокогнитивного анализа посланий Федеральному собранию РФ и описывает устойчивый характер структурной модели данного жанра, в основе которой лежат «несколько регулирующих принципов: “сегодняшние трудности”, “причины”, “желаемый результат”, “задачи по улучшению ситуации”» [13 : 17]. Данные принципы являются основополагающими и для посланий Конгрессу США. В свою очередь, языковое наполнение может значительно варьироваться в зависимости от индивидуальности автора и духа времени [13].

Тронная речь монарха на открытии сессии парламента, жанр с многовековой историей (появился в XVI в.), имеет наибольшую степень ритуализованности по сравнению с посланиями глав государств России и США, что проявляется в фиксированности формы и четкой последовательности действий, торжественной эмоциональной тональности, замедленном темпе речи, использовании усложненного языка, который отличается от повседневного [7]:

Deeply sensible of the Blessings which, after a Season of Calamity, have been so often vouchsafed to this Nation by a superintending Providence, I confide these important Matters to your Care, in a full Conviction that your Discussions will be guided by an impartial Spirit, and in the Hope that the present Sufferings of My People may be lightened, and that their future Condition may be improved, by your deliberative Wisdom (Виктория, 1847).

Следует отметить, что данный жанр не сразу обрел фиксированную форму, переход из ритуализованного жанра с мягкой формализацией в жанр с более жесткой формализацией происходил постепенно вместе со становлением и утверждением парламентской монархии, истоки которой зарождаются в конце XVII в. Как известно, взаимоотношения монарха, правительства и парламента в Великобритании имеют особый характер: монарх царствует, но не управляет.

В ходе анализа было выявлено, что тронная речь короля Вильгельма IV (1830–1837) и королевы Виктории (1837–1901) отличается более свободной структурой и имеет выраженное личностное начало:

I have given directions that there be laid before you the Treaty ...

I have not yet received the further report of the Commission ...

I trust that you will be able to effect a just settlement of the question ... (Вильгельм IV, 1836)

I continue to receive from Foreign Powers gratifying assurances of their desire to maintain with me the most friendly relations.

I have concluded with the Emperor of Austria a Treaty of Commerce ...

I have directed copies of those Treaties to be laid before you.

I have been engaged, in concert with Austria, France, Prussia, and Russia, in negotiations ... (Виктория, 1839)

С течением времени структура речи менялась, личностное начало постепенно отходило на второй план. С приходом к власти королевы Елизаветы дань традиции прослеживается в использовании притяжательного местоимения *My*, которое всегда пишется с прописной буквы в стенограмме выступления королевы. Главное действующее лицо – правительство, которое составляют подданные королевы: *My Government, My Ministers*. Данные конструкции повторяются на протяжении всего текста и придают ему ритуальный характер, тогда как личное местоимение *I* используется в единичных случаях.

Со временем меняется и традиционное обращение монарха к парламенту: на смену *My Lords and Gentlemen, Gentlemen of the House of Commons* (Вильгельм IV, 1834) приходит *My Lords and Members of the House of Commons, Members of the House of Commons* (Георг V, 1924, Елизавета II, 1954).

Фиксированную форму приобретают и завершающие фразы тронной речи монарха. Если в XIX в. финальные фразы не имели закреплённой формы: *I rely upon your prudence and wisdom, and upon your determination to maintain, as well as to amend the Laws and institutions of the country; and I commit these questions of domestic policy, to which I have deemed it my duty to direct your attention, into your hands, persuaded that you will so treat them, as to increase the happiness and prosperity, by promoting the religion and morality of my people* (Вильгельм IV, 1834); *I confidently commit all these great interests to your wisdom, and I implore Almighty God to assist and prosper your counsels* (Виктория, 1839), то в XX в. заключение становится формализованным: *I pray that Almighty God may give His blessing to your counsels* (Георг VI, 1942); *Other measures will be laid before you in due course. My Lords and Members of the House of Commons, I pray that the blessing of Almighty God will rest upon your counsels* (Елизавета II, 1954, 2010).

За последние шесть десятилетий структура данного жанра практически не изменилась. Ритуальность данного жанра проявляется в ши-

роком использовании клишированных выражений, которые пронизывают всю структуру обращения. Шаблонные фразы можно подразделить на выражения трех типов:

– клишированное обращение и завершение речи: *My Lords and Members of the House of Commons* (инициальное обращение); *Members of the House of Commons: Estimates for the public services will be laid before you. My Lords and Members of the House of Commons: Other measures will be laid before you; I pray that the blessing of Almighty God may rest upon your counsels* (завершающие фразы);

– клишированные фразы, выражающие приоритеты и перспективные действия правительства:

My government's priority is ...; My government will seek to ...; My ministers will strengthen ...; My government will continue to ...; My government will work to ...; My government will reform ...; My ministers will work to ...; My Government attach the highest priority to ...; My Government will promote ...;

– шаблонные конструкции в пассивном залоге: *Legislation will be brought forward to ...; Proposals will be brought forward to ...; Legislation will also be introduced to ...; A bill will be introduced to ...; A priority will be to ...*

Для придания стилю речи большей торжественности, а также усиления положительных результатов действия правительства употребляются конструкции с инициальной инфинитивной конструкцией. Таким образом, акцент смещается на цели и задачи, которые ставит перед собой правительство Соединенного Королевства:

To ensure that more people have the opportunity to further their education, legislation will be introduced to support the establishment of new universities and to promote choice and competition across the higher education sector (2017).

To strengthen the economy and provide stability and security, my ministers will continue to reduce the country's deficit, helping to ensure that mortgage and interest rates remain low (2014).

Следует также отметить, что текстовая ткань обращения пронизана повторяющимися глаголами действия, которые несут в себе идею созидания и придают торжественность речи монарха: *secure, build, ensure, establish, maintain, forge, implement, strengthen, improve, attract, deliver, increase, enhance, make progress, reform, initiate, bring forward, work, establish, support, promote*.

Таким образом, результаты исследования показали, что тронная речь монарха является устоявшимся ритуализованным жанром, который остается практически неизменным на протяжении последних десятилетий, при

этом отражая дух времени и индивидуальность автора.

Рождественские обращения – другой пример ритуализованного жанра с мягкой формализацией, в котором также можно проследить некоторые изменения на протяжении определенного временного отрезка как следствие воздействия различных экстралингвистических факторов. Рассмотрим эволюцию жанра на примере рождественских обращений королевы Великобритании Елизаветы II (1952–2016).

На тематическом уровне прослеживается ряд изменений. В начале своего правления королева в своих рождественских обращениях отводит важную роль странам Содружества и описывает свои визиты в разные страны, при этом не концентрируясь на одной теме, а обращаясь к текущим событиям. К ключевым темам относятся тема христианской любви и веры, а также события в жизни королевской семьи. С течением времени королева вырабатывает свой стиль послания и выделяет определенную ключевую тему в каждом обращении, например, тему роли женщины в обществе или тему детей и молодого поколения:

The devotion of nuns and nurses, the care of mothers and wives, the service of teachers, and the conviction of reformers are the real and enduring presents which women have always given (1966);

Today we celebrate the birth of the child who transformed history and gave us a great faith (1979).

Данная тенденция наблюдается до настоящего момента. Можно очертить целый ряд тем, которые остаются неизменными для рождественского обращения королевы – тема семьи, христианской веры и толерантности, роли монархии, стран Содружества и единения, демократических ценностей, примирения и взаимопомощи. Тем не менее в определенные годы появляются темы, отражающие новые вызовы времени – освоение космоса (запуск искусственного спутника Телстар) в 1962 г., инфляция и безработица в 1975 г., терроризм в 2005 г., экономический кризис в 2008 г., Олимпийские игры в 2016 г. и др.

В заключительной части своего послания королева Великобритании неизменно обращается к народу с традиционным поздравлением с Рождеством:

May I, in this my fiftieth Christmas message to you, once again wish every one of you a very happy Christmas (2001).

Наиболее частотными в изученном корпусе являются следующие номинации: *Christmas, people, world, year, Commonwealth, family, time, new, great, country, day, hope, life, children,*

good, happy, message, future, peace, nation, men, work, courage, faith, service, work, believe.

Как отмечалось ранее, формализация и торжественность речи усиливает роль эстетической функции, что часто проявляется в создании метафорических образов в тексте обращения:

So, our Commonwealth hearth becomes more precious than ever before by the contrast between its homely security and the storm which sometimes seems to be brewing outside, in the darkness of uncertainty and doubt that envelops the whole world (1954).

My hope this Christmas is that the Christian spirit of reconciliation may burn as strongly in our hearts during the coming year (1977).

At Christmas I am always struck by how the spirit of togetherness lies also at the heart of the Christmas story (2012).

Типичными для рождественского обращения являются такие синтаксические стилистические средства, как выдвигание (*fronting*), предложения с пресуппозицией контрастивного элемента (*It-cleft*), параллелизм:

In the turbulence of this anxious and active world many people are leading uneventful lonely lives (1954);

It is through this lens of history that we should view the conflicts of today, and so give us hope for tomorrow (2011);

It can heal broken families, it can restore friendships and it can reconcile divided communities (2011).

Таким образом, рождественское обращение королевы Елизаветы II обладает устойчивыми характеристиками, некоторые изменения проявляются лишь в тематической структуре.

Выводы

Послания главы России и США парламенту, тронная речь монарха на открытии сессии парламента и рождественское обращение королевы являются ритуализованными жанрами с мягкой формализацией, однако степень формализации в данных жанрах различна. Данные жанры реализуют функции, типичные для ритуальной коммуникации, и обладают устойчивыми композиционными признаками, тогда как языковое наполнение может меняться в зависимости от авторской и временной принадлежности.

В тронной речи монарха ярким проявлением ритуальности является широкое использование клишированных фраз, которые придают тексту торжественность и задают стереотипность контекста. С течением времени персонализация жанра значительно снижается за счет использования безличных пассивных конструкций. В жанре рождественского посла-

ния в диахроническом аспекте наблюдаются изменения в тематическом наполнении – под влиянием социальных факторов возникают темы, не типичные для данного жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dubrovskaya T., Kharlamova T. Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse // *Philologia Hispalensis*. 2012. Vol. XXVI, № 1–2. P. 107–127.
2. Русакова О. Ф. Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // *Изв. Урал. гос. ун-та*. 2008. № 6. С. 114–122.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград: Перемена, 2004. 367 с.
4. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? // *Человек*. 1997. № 6. С. 108–118.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Мониц Ю. В. На стыке языка и ритуала // *Язык и культура. Факты и ценности М.: Языки славянской культуры*, 2001. С. 191–206.
7. Извекова М. Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.
8. Мартемьянов Ю. С., Шрейдер Ю. А. Ритуалы и самоценное поведение // *Ритуал в языке и коммуникации: сб. ст. М.: Знак; РГГУ*, 2013. С. 445–474.
9. Дубровская О. Н. Формы коммуникативного взаимодействия власти и общества (на материале сложных речевых событий) // *Германская филология. Саратов: ИЦ «Наука»*, 2009. Вып. 4. С. 10–14.
10. Гудков Д. В. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе // *Политический дискурс в России – 2: материалы рабочего совещания*. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 30–36.
11. Кронгауз М. А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // *Ритуал в языке и коммуникации: сб. ст. М.: Знак; РГГУ*, 2013. С. 11–24.
12. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 276 с.
13. Гаврилова М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 30 с.

REFERENCES

1. Dubrovskaya T., Kharlamova T. Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse. *Philologia Hispalensis*, 2012, vol. XXVI, no. 1–2, pp. 107–127.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Харламова Т. В. Динамика ритуализованных жанров в политическом дискурсе // *Жанры речи*. 2018. № 4 (20). С. 248–253. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-248-253>

2. Rusakova O. F. Politicheskaya diskursologiya: aktual'nost' issledovaniya i teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya [Political discourse studies: relevance of study, theoretical and methodological background]. *Izv. Ural. gos. un-ta* [URSU Journal], 2008, no. 6, pp. 114–122 (in Russian).

3. Sheigal Ye. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Volgograd, Peremena Publ., 2004. 367 p. (in Russian).

4. Baranov A. N. Politicheskii diskurs: proshchaniye s ritualom? [Political discourse: parting with ritual]. *Chelovek* [Human], 1997, no. 6, pp. 108–118 (in Russian).

5. Karasik V. I. *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).

6. Monich Yu. V. Na styke yazyka i rituala [Across language and culture]. In : *Yazyk i kultura. Fakty i tsennosti* [Language and culture. Facts and values]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001, pp. 191–206 (in Russian).

7. Izvekova M. G. *Pragmalingvisticheskiye kharakteristiki ritual'nogo diskursa* [Pragmalinguistic characteristics of ritualistic discourse]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2006. 20 p. (in Russian).

8. Martem'yanov Yu. S., Shreider Yu. A. Ritualy i samotsennoye povedeniye [Rituals and intrinsically valuable behaviour]. In : *Ritual v yazyke i kommunikatsii : sb. st.* [Ritual in language and communication : Coll. of art]. Moscow, Znak Publ., RGGU, 2013, pp. 445–474 (in Russian).

9. Dubrovskaya O. N. Formy kommunikativnogo vzaimodeystviya vlasti i obschestva (na materiale slozhnykh rechevykh sobytiy) [Forms of communicative interaction of authorities and society (case of complex speech events)]. *Germanckaya philologiya* [Germanic Philology]. Saratov, ITs "Nauka", 2009, iss. 4, pp. 10–14 (in Russian).

10. Gudkov D. V. Ritualy i pretsendenty v politicheskoy diskurse [Rituals and cases in political discourse]. In : *Politicheskii diskurs v Rossii – 2* [Political discourse in Russia-2 : Workshop proceedings]. Moscow, Dialog-MGU, 1998, pp. 30–36 (in Russian).

11. Krongauz M. A. Bessiliye yazyka v epohu zrelogo sotsializma [Language powerlessness during the epoch of mature socialism]. In : *Ritual v yazyke i kommunikatsii : sb. statei* [Ritual in language and communication : Coll. of art]. Moscow, Znak Publ., RGGU, 2013, pp. 11–24 (in Russian).

12. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Basics of discourse theory]. Moscow, Gnosis Publ., 2003. 276 p. (in Russian).

13. Gavrilova M. V. *Lingvokognitivnyi analiz russkogo politicheskogo diskursa* [Linguistic and cognitive analysis of Russian political discourse]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2005. 30 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 11.12.2017

For citation

Kharlamova T. V. Dynamics of Ritualistic Genres in Political Discourse. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 248–253 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-248-253>